

МИФОЛОГЕМА ЛУНЫ В ПОЭЗИЯХ В.СТУСА И Н.ВИНГРАНОВСКОГО

Т.А. Цепкало

Херсонский государственный университет, г. Херсон

Статья посвящена исследованию интерпретации символа луны в сочинениях известных украинских писателей В.Стуса и Н.Винграновского, установлению связи мифологемы луны с традиционными славянскими верованиями и представлениями, значения лунарного образа для создания авторской картины мира, сравнения особенностей мифотворчества обоих поэтов.

Литературная деятельность каждого писателя обязательно соприкасается с традиционными символическими образами своего народа, которые независимо от воли автора возникают в его подсознании и вытекают наружу в виде мифологических моделей, схем, конструкций, исследование которых приводит к глубокому пониманию авторской мировоззренческой концепции. Творческий процесс каждого литератора представляет собой специфическую систему мифопоэтических элементов, которые отождествляются с образным архаическим сознанием. В работах известной русской исследовательницы О.Фрейденберг находим подтверждение связи между мифомышлением и творчеством автора: «(...) мифологический образ или мифологическое представление есть семантическая реакция первоначальной мысли на ощущение предмета именно в его чувственном наличии» [7, с.33]. Таким образом, мифотворчество есть не что иное, как способ передачи внешних форм бытия и внутреннего начала художника.

Анализ мифопоэтики известных украинских писателей В.Стуса и Н.Винграновского показал, что их творчество имеет прямую связь с мифологическими взглядами славян и отображает мировую гармонию космоса. Подтверждением этого есть изображение мифологемы луны в их лирике и метафорические значения этого образа.

Отношение языческих народов к астральным телам как к живым существам есть одной из характерных черт архаического мировоззрения. «Древние славяне во всем природном окружении видели живых духов, от которых зависела жизнь» [5, с.33]. В поэтических произведениях В.Стуса встречается одухотворенный образ луны, который демонстрирует виталистические взгляды автора. Например, в поэзии «Посоловів од співу сад...»:

У небі місяць горувий

Скидається, як пульс живий [6, с.199].

Сравнение движения горного месяца с человеческим пульсом в данном примере имеет двойственную мифологическую семантику. Несмотря на экзистенциальный характер лунарного образа, о чем свидетельствует мотив скитания и одиночества, он также выступает символом жизни и ее продолжения.

В то же время у В.Стуса есть и резко контрастный образ мертвого света луны, который все же сопоставляется с человеческими жизнями, хоть и прожитыми зря, но излучающими тусклый свет как воплощение воспоминаний и сожалений о прошлом. Об этом мы читаем в глубоко философском произведении «Ми, пустоцвіті Божих існувань...»:

вовіки й віки. Ніби місяці,
посріблені відбитим мертвим сяйвом,
не живемо, лише життя збавляєм,
пригашені відбитки на ріці
минулих літ. Зупину нам – нема [6, с.172].

Символическая структура авторских сравнений, использованных в этой поэзии, несет в себе следы предыдущих культурных наслоений. Существование не одного, а нескольких как ночных, так и дневных светил было предметом верований многих народов мира. Так, во Вьетнаме бытовало представление, что верховное божество Ндо тьи создал десять солнц и десять лун [4, с.392], в системе мироздания черных таи Лаоса известно девять солнц и девять лун [4, с.276], а в джайнской мифологии считалось, что в состав одного из четырех основных племен божеств Джиотишка входят солнца, луны и звезды [4, с.186]. Таким образом, мы подтверждаем связь авторского мировоззрения с мировой мифологией. Также В.Стус делает ударение на второстепенной роли месяца по отношению к солнцу, поскольку тот всего лишь отражает солнечный свет, который украинский поэт называет мертвым. Но и это астрологическое явление нашло свое отражение в языческой культуре, где почитался бог Хорс как «божество животворного солнечного света, отраженного в Луне» [3, с.564]. Следовательно, сравнение человеческих жизней с мертвым лунным сиянием не лишено виталистической окраски, но вместе с тем дает возможность задуматься о цели жизни, о прожитых годах и о будущем.

Отношения солнца и луны в славянском мифом мире имели разную трактовку – они «(...) когда-то представлялись в родственных связях: или как сестра и брат, или как супруги» [3, с.305], а также известно, что месяц считался младшим братом солнца [1, с.346]. В лирике исследуемых украинских писателей мы не находим четкой дефиниции отношений этих двух светил, но Н.Винграновский в произведении «Що робить Сонце уночі...» доказывает их неопровержимую и тесную связь, олицетворяет и наделяет их человеческими качествами. Оба эти астральные образы сквозь всю поэзию несут в себе любовь друг к другу, верность и

взаимопонимание. За утверждением автора, солнце ночью спит, а месяц ждет его, ожидая встречи. И тут же поэт создает яркую картину их взаимодействия в пространственно-временном континууме:

Що роблять Сонце й Місяць вдвох,
Коли в снігах біліє мох,
На сіножать сніги сніжать
І снігурі в снігу лежать?
Тоді їм холодно обом
З нашим собакою й котом,
З них кожен холодно сія,
І літа ждуть вони, як я [2, с.218].

Суровость зимы в этом отрывке подчеркивает сплоченность и единство дневного и ночного светил, что свидетельствует об традиционном мировоззрении автора. Известно, что в природе одновременное пребывание солнца и луны на небе – редкое явление. В легендах Закарпатья рассказывается, что изначально Солнце и Луна светили вместе, но были недовольны друг другом, поэтому Бог разделил их правление на дневное и ночное время. «И Солнце, и Луна проходят небо друг за другом почти одним и тем же путем, только на несколько часов позже. Им очень хочется догнать, встретиться, посмотреть друг на друга вблизи. Но достичь этого им не везет. И все же, несмотря на это, в году бывают иногда дни, когда они – и Солнце, и Луна – могут увидеться в небе над землей. Это случается, как утверждают старые люди, на день Родиона (21 апреля), когда Солнце раньше встанет на востоке, а Луна задержится на закате, или же наоборот – раньше проснется Луна, а Солнце дольше задержится на закате. Тогда они стоят на краю неба с двух сторон и какой-то миг видят друг друга» [8, с.50-51]. Таким образом, мы видим, что Н.Винграновский в своей поэзии «Що робить Сонце уночі...» \ интерпретирует сюжет легенды, добавив много бытовых деталей, которые подчеркивают привязанность этих астральных образов друг к другу.

Кроме солнца, месяц также состоит в родственных связях со звездами, которые, по мнению языческих и древнеславянских народов, являются его детьми [3, с.305]. Олицетворение и взаимодействие космических тел как основная черта архаического мировоззрения присуще и сочинениям исследуемых в данной статье украинских писателей, поскольку духовно-генетическая память сохраняет ментально значимые категории. Так, у Н.Винграновского встречаем мифологический фантастический элемент персонификации луны и метафоризации млечного пути:

Під верболозям в казані
Чорти різдвяне тісто місяць,
Й на золотому ковзані
Чумацьким Возом править місяць [2, с.352].

В этом стихотворении («У лісі темно. В лісі ніч...») ярко чувствуется сплетение реальных событий с магическими, поскольку Рождество всегда считалось самым благодатным временем для гадания и магических действий [5, с.698]. Поэтому вплетение в сюжетную канву вымышленных существ (чертей) является вполне естественным. К тому же, известно, что эти персонажи активизируются именно в январе между Новым годом и Крещением [5, с.269]. Следовательно, изображение месяца на золотом коньке и правящим Телегой, что состоит из Млечного Пути, соответствует рождественской атмосфере и пропитано волшебством, которое всегда сопровождает рождественские праздники. Таким образом, мы видим изображение лунарного образа у Н.Винграновского в глубокой связи с христианскими верованиями.

Божественные мотивы встречаются и в творчестве В.Стуса. В стихотворении «Жовтий місяць, а ще вище – крик твій...» автор использует метаязыковые формы выражения скрытого смысла – намек и иносказание, которые принадлежат к внеязыковым способам выражения мифа:

Жовтий місяць, а ще вище – крик твій,
а ще вище – той,
хто крізь зорі всі твої молитви
пересіяв, мов на решето (...) [6, с.43].

И хоть автор прямо не называет того, о ком завуалированно пишет, такая художественная деталь, как молитвы, помогает разгадать намек на него – Бога. Подтверждением этого служит описание Его могущества, ведь только Всевышний может быть выше луны и сеять звезды. Украинский поэт, таким образом, утверждает божественное происхождение мира как вариант космологического мифа.

Образ Бога-Творца в поэтическом творчестве В.Стуса децентрализуется, поскольку Его роль в лирическом сюжете второстепенная, но имеющая большое значение для мифотворчества в целом и для изображения мифологемы луны в частности. В социально-общественной поэзии «Ці виски, ці скрики під вітром злітають угору...» астральные образы имеют центральную позицию относительно Бога:

І зорі подвійні і місяць подвійний блукає
подвійного руху згромаджений центр налог
в високому леті твоє товариство шугає –
малі підсусідки, якими пишається Бог [6, с.286].

Ударение на двойном месяце и двойных звездах подтверждает доминирующую роль ночных светил в канве произведения. Но все же уменьшительно-ласкательная форма, которую использовал автор для их называния, подчеркивает господство Всевышнего. «Подсоседки» как название обнищавших крестьян, живущих в чужих дворах, указывает на

подчиненность луны и звезд высшей божественной силе, что соответствует православным канонам.

Мифотворчество В.Стуса объединяет в себе языческие и христианские традиции, которые очень искусно дополняют друг друга, взаимопроникают и взаимодействуют. Так, например, в поэзии «Місячне сяйво лле...» мифологема луны становится образом, который воплощает в себе языческие представления о лунной пряже [3, с.353] и православные верования в Божье царство:

Місячне сяйво лле
сиву куделю мрій.
Боже, царство твоє –
наче бджолиний рій [6, с.276].

Луна как часть мира, который создал Бог, своим сиянием прядет мечты и освещает этот суетливый и неугомный мир, на что указывает сравнение божьего царства с пчелиным роем. Ассоциативный ряд луна – свет – мир – Бог – жизнь – пчелиный рой свидетельствует о синкретизме мышления украинского поэта, который создает свою мифологическую схему представления о мире.

Индивидуально-авторское мировоззрение мы констатируем и у Н.Винграновского, которое сильно отличается от мифотворчества В.Стуса простотой и фольклорными элементами. В детской поэзии «Ця казка на білих лапах...» Н.Винграновский подает метафорическую картину освещения деревенских домов луной:

Ця казка на білих лапах
Іде уночі по дорозі,
І місяць тече по хатах,
І в казки на віях сльози [2, с.241].

Элементы волшебной сказки, которые использует художник, относятся к элементам первичной мифологии, и в авторском сознании превращаются в органическое единство новосозданного мира, который передает собственный философско-эстетический опыт писателя и становится частью субстанциальных процессов нации.

Возвращаясь к первичному бытию, Н.Винграновский утверждает гармоничный универсум вселенной и достигает основ народного миропорядка. Концепция архетипного мышления украинского поэта представляет ментальные категории славянских народов и духовно-генетическую память украинцев. В стихотворение «Перепеленят перепелиці...» архетипный образ луны подается в виде котящегося круга («Покотився місяць по пшениці, / Розбудився вітер по дорозі» [2, с.58].), что соответствует лунарной символике колеса [2, с.233] в древнеславянской мифологии.

Обозначен традиционными мировоззренческими взглядами и образ луны у В.Стуса. В поэзии «Ця п'еса почалася вже давно...» ночное светило

выступает небесным глазом, что отображает как славянские архаические геномы, так и мифологические корни мировой культуры:

і оком Поліфема угорі
світив червоний місяць без'язикий [6, с.112].

Метафорическое сравнение луны с глазом, примененное автором в этом отрывке, соответствует давним представлениям наших предков, для которых ночное светило – это «ночной Глаз Божий» [1, с.346]. Но у В.Стуса этот образ подается немного шире, поскольку писатель конкретизирует также принадлежность его мифическому персонажу – Полифему, который известен в греческой мифологии как «(...) великан с одним глазом (...)» [4, с.446], и таким образом раскрывает широкие грани для мировосприятия.

Следовательно, изображение мифологемы луны в поэзии украинских писателей В.Стуса и Н.Винграновского сопровождается с обращением авторов к народным архаическим корням. Мифотворчество обоих писателей обозначено синтезом языческих и православных мировоззренческих канонов. Интерпретация символики месяца, представленной в творчестве обоих поэтов, дает возможность четко отобразить авторскую картину мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Багнюк А. Символи українства. Художньо-інформаційний довідник / А.Л. Багнюк. – Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2010. – 512 с.
2. Вінграновський М. Вибрані твори: У 3 т. – Т.1: Поезії / М.Вінграновський; Вступна стаття Т.Салиги. – Тернопіль: Богдан, 2004. – 400 с.
3. Войтович В. Українська міфологія / В.М.Войтович. – Вид. 2-ге, стереотип. – К.: Либідь, 2005. – 664 с.
4. Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – 4-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
5. Слов'янський світ. Ілюстрований словник-довідник міфологічних уявлень, вірувань, обрядів, легенд та їх відлунь у фольклорі і пізніших звичаях українців, братів-слов'ян та інших народів / Упорядник Кононенко О.А. – К.: Асоціація ділового співробітництва «Український міжнародний культурний центр», 2008. – 784 с.
6. Стус В. Палімпсест: Вибране / В.Стус. – К.: Факт, 2003. – 432 с.
7. Фрейденберг О. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 800 с.
8. Чорі Ю. Хоч не рай, зате свій край. Легенди і перекази Закарпаття / Ю.С. Чорі. – Ужгород: Карпати, 2007. – 352 с.

Цепкало Т.А. Мифологема луны в поэзиях В.Стуса и Н.Винграновского // Приоритетные научные направления: от теории к практике: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / Под. общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: ООО агентство «СИБПРИНТ», 2013. – С. 87-93.